

зеологических единиц, об излюбленных способах использования их в творчестве того или иного поэта. Естественно, что конкретное использование фразеологических средств языка может оказаться более или менее общим для ряда авторов или характерным для одного типа почерка отдельных поэтов.

Из рассмотренных нами стихотворных текстов наибольшая частота употребления фразеологизмов наблюдается в стихотворных текстах Б. Слуцкого, у которого почти в каждом стихотворении можно найти одно, а порой и несколько устойчивых сочетаний. Активно обращаются к общеязыковой фразеологии Е. Винокуров, Н. Матвеева, А. Межиров, Вл. Соколов.

Из рассмотренных нами стихотворных текстов наименьшей частотой употребления устойчивых сочетаний характеризуются тексты Я. Смелякова. Основную массу фразеологизмов, употребленных поэтом, составляют общеязыковые адвербиальные фразеологизмы, несущие качественную характеристику действия или признака и выступающие в предложении в обстоятельственной функции (их 80% к общему числу использованных поэтом устойчивых сочетаний). Они просты по своей структуре, часто употребляются в живой разговорной речи: «Мне *во что бы то ни стало* надо встретиться с тобой, / <...> / Там [в песнях] и выдумка и были, / жизнь как есть — *ни дать ни взять*» (Алексей Фатьянов); «Работенка вам *по силам, / по душе и по уму...*» (Стихи, написанные 1 мая).

К преобразованию устойчивых сочетаний Смеляков прибегает крайне редко, а если и прибегает, то чаще всего это сводится к уточняющему расширению границ фразеологического сочетания. Ср., например, общеязыковой фразеологизм *без толку* и его контекстуальный вариант *без видимого толку* («Не зря *без видимого толку*, / меся наследственную грязь...». Один день), фразеологизм *в силе* и его контекстуальный вариант *в прежней силе* («Еще ты вроде *в прежней силе*, полудержавен и хорош». Меншиков).

Встречается у Смелякова и замена одного из компонентов устойчивого сочетания (обычно субстантивного) общеязыковым или контекстуальным синонимом. Ср., например, общеязыковой фразеологизм *с головы до пят* и его окказиональный вариант *с маковки до пят* («Мир шагал навстречу / двум поэтам, / распрекрасным *с маковки до пят*». Письмо в районный город), фразеологизм *ни кола, ни двора* и сочетание *ни двора, ни колодца* («И она-то, батрачка, / ничуть не богаче была: / *ни двора, ни колодца*, / ни — хоть бы для смеху — козла». Солдат и батрачка), фразеологизм *уходят из жизни* и сочетание *уходят с земли* («Внезапно кончив путь короткий, / (винить за это их нельзя), / *с земли уходят* одногодки...». Вы не исчезли).

Реже поэт прибегает и к другого рода заменам одного из компонентов фразеологизма, также не приводящим к каким-либо существенным его изменениям. Так, сочетания *испита бесславная чаша* и *выпита чаша побед* представляют собой окказиональные варианты двух возможных применений модели *выпить, испить чашу* чего, какую ('испытать нечто, указанное в определении к слову чаша'): «*Испита бесславная чаша, / и выпита чаша побед*. // Идет кавалерия наша/на уровне наших ракет» (На Красной площади). Контрастное (по форме выражения и содержанию) столкновение в тексте сочетаний книжного происхождения *испита бесславная чаша* / *выпита чаша побед* с одним и тем же опорным компонентом-образом *чаша* создает в стихотворении атмосферу приподнятости, торжественности.

Более охотно, чем Я. Смеляков, использует устойчивые сочетания Е. Винокуров. Круг привлекаемых им устойчивых сочетаний очень широк и разнообразен. Особенно активно привлекает поэт народно-просторечную фразеологию (ее около 60%), способствующую воссозданию в стихе непосредственной эмоциональности живой разговорной речи.